

Вельский районный муниципальный краеведческий музей
Архангельской области

ВАЖСКИЙ КРАЙ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Исследования и материалы

Выпуск 2

k1347139

ВЕЛЬСК

2004

П. П. КОТОВ
(Сыктывкар)

СМОЛОКУРЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ПОВАЖЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. земледелие в совокупности со скотоводством не обеспечивали прожиточного минимума населения Поволжья¹. Поэтому жители края вынуждены были обращаться к различным неземледельческим занятиям, денежные средства от которых шли не только на хозяйственные и семейные нужды, но и на уплату податей. Среди промыслов для крестьян Поволжья очень важное значение имело смолокурение.

История смолокуренного промысла изучалась исследователями XIX – начала XX в.², но затем интерес ученых к этой проблеме ослабел. После 70-х годов XX в. лишь в отдельных случаях встречаются весьма сжатые упоминания о северном смолокурении³. Между тем истоки смолокуренного промысла в Поволжье восходят к «старине глубокой»⁴. Во второй половине XVI в. волжская смола уже отправлялась «на мурманский берег» и «имела не только местную, но и иностранную цену», т. е. сбывалась за границу (с 1562 г. – через Печенгский монастырь)⁵. В XVII в. смола начинает продаваться через Архангельский порт. В связи с дальнейшим развитием парусного флота спрос на нее непрерывно увеличивался. В XVIII в. из Архангельского порта ежегодно экспортировалось от 6 до 60 тыс. бочек смолы⁶.

Объемы добычи смолы долгое время во многом зависели от того, каким образом крестьяне имели возможность сбывать ее. Продажа смолы сводилась к трем видам: 1) «свободная» торговля – куплей-продажей смолы занимался «всяк свободного звания»; 2) откупная торговля, при которой правительство за определенную плату отдавало право торговли одному лицу; 3) казенная монополия, когда казна сама осуществляла все торговые операции, связанные со смолой. Понятно, что для населения более выгодным являлся первый вид. В различные периоды конца XVII – первой половины XVIII в. существовали все эти виды торговли смолой. При казенной монополии в начале XVIII в. сдаваемая смола засчитывалась в счет государственных податей по 40–50 коп. за бочку и только часть денег крестьянам выдавалась на руки⁷. В конце XVIII в. вводится «вольная» торговля, которая и просуществовала до начала XX в.

Войны конца XVIII – начала XIX в. стимулировали спрос на смолу, который не понижался уже в течение всей первой половины XIX в.

В 1797–1851 гг. из Архангельского порта ежегодно вывозилось от 50 до 200 тыс. бочек смолы на сумму 85–300 тыс. рублей серебром (далее – руб. сер.), что составляло около 98% экспорта всей смолы из России⁸. Главным «потребителем» северной смолы, как и в XVIII в., была Англия, куда, например, в 1815–1832 гг. доставлялось 40–180 тыс. бочек, или 85–90% всей вывозимой из Архангельска смолы. Значительное количество смолы вывозилось и в Голландию, меньше – во Францию, Германию, Португалию, Италию и Норвегию⁹.

Наибольшее количество смолы на экспорт, как показывают материалы таблицы 1, поставлялось из Архангельской губернии – в 1815–1843 гг. от 47 до 68 тыс. бочек, или 60–71% от всей привезенной к северному порту. На долю Вологодской губернии приходилось от 29 до 40% привоза (от 26 до 40 тыс. бочек).

Таблица 1

**Среднегодовое количество бочек смолы, доставленной
к Архангельскому порту из Архангельской и Вологодской
губерний в 1815–1843 гг.**

Годы	Архангельская губерния				Вологодская губерния			
	бочек		% от всей доставки		бочек		% от всей доставки	
	смолы	пека	смолы	пека	смолы	пека	смолы	пека
1815–1819	41783	5310	64,1	68,1	23427	2492	35,9	31,9
1820–1824	46576	6334	65,3	76,1	24798	1993	34,7	23,9
1825–1829	52965	7091	67,8	72,9	25154	2638	32,2	27,1
1830–1834	55043	9833	69,3	80,2	24341	2427	30,7	19,8
1835–1839	57902	9799	67,0	77,7	28536	2817	33,0	22,3
1840–1843	50082	9392	58,3	67,9	35858	4437	41,7	32,1

Источник: РГИА. Ф. 515. (Главное управление уделов). Оп. 34. Д. 80. Л. 192–193 об.

При этом доля «жидкой» смолы из Вологодской губернии составляла 30,7–41,7%, тогда как «густой» (пека) – только 19,8–32,1% привоза, т. е. здесь переработка смолы на пек была развита слабее.

Производство смолы на Севере издавна сосредотачивалось в Поволжье – с конца XVIII в. это Шенкурский уезд Архангельской

губернии и Вельский уезд Вологодской губернии. Именно здесь проживала основная часть дворцовых (затем удельных) крестьян Европейского Севера России. Последние с 1797 г. входили в состав Архангельской удельной экспедиции, которая в 1808 г. была разделена на Архангельскую и Вологодскую удельные конторы (имения). Они, в свою очередь, вновь объединяются в 1858 г. в рамках Вельской удельной конторы (имения). В первой половине XIX в. удельные крестьяне Поволжья выкуривали около 90% всей северной смолы, до 7–8% ее производилось также удельными поселянами на Северной Двине (север Сольвычегодского уезда). Объемы выкурки продукта в других районах Европейского Севера были незначительными¹⁰.

В конце XVIII – первой половине XIX в. смолокурением на Севере занималось свыше 3 тыс. семей удельных крестьян. Известно, что в конце 20-х – начале 30-х годов в удельной деревне Севера заготовку смолы осуществляли 3334 крестьянских семьи (около 13336 ревизских д. м. п.*), в 1859 г. – 4069 семей (17849 д. м. п.), т. е. примерно 27–30% крестьян. При этом в удельной деревне Шенкурского уезда в смолокуренный промысел было вовлечено 2,5–3 тыс. крестьянских хозяйств (около 45%), тогда как в Вельском – от 1 до 1,5 тыс. хозяйств (примерно 20%)¹¹. По удельным приказам и волостям смолокурение было распространено неодинаково. Так, в 1839–1841 гг. в Устьважском приказе Шенкурского уезда им занималось около 20% крестьян, в Устьпаденском – 55%, в Предтеченском – свыше 60% крестьян (в Устьюмской и Химаневской волостях последнего – около 80% крестьян), в 1850-х годах в Верховском приказе Вельского уезда – только 10% семей¹².

Исходным материалом для производства смолы служило смолье, которое крестьяне получали из подсоченных деревьев и пней. Подсочка каждого дерева (снятие коры с трех сторон ствола) осуществлялась в течение 8–11 лет, после чего дерево распиливалось и кололось на поленья, как впрочем, и выкопанные пни. Процесс непосредственной «гонки» смолы осуществлялся тремя способами: ямным, корчажным и печным. При первом способе на небольшом возвышении выкапывали чашеобразную яму глубиной около сажени и диаметром 10–20 сажень. На дне ее монтировалась деревянная труба, конец которой выходил к подножью холмика, куда устанавливалась бочка. Яму за-

* д. м. п. – душа мужского пола.

полняли смольем, поджигали и закидывали землей. Через день в течение последующих 4–5 суток из трубы поступала смола. Корчажный способ получения смолы был схож с ямным, только смолье укладывалось не в яму, а наоборот – на холм или специально подготовленную площадку. После возгорания ее также забрасывали песком, глиной или дерном. Выгонка смолы третьим способом требовала устройства специальной печи. Ямный способ существовал издавна, корчажный появился в более позднее время, а печи в удельной деревне Севера стали устанавливаться только во втором десятилетии XIX в.¹³

На протяжении всей первой половины XIX в. преобладала корчажная выгонка смолы. Ямная мало практиковалась, т. к. осуществлялась только летом, тогда как корчажная – в любое время года. В документах эти два способа именуются одинаково – «ямным» (вероятно, из-за сходства технологии). В дальнейшем нужно помнить, что говоря о «ямном» способе, мы будем иметь в виду и корчажный. При печном способе производства из одного и того же объема смольника получали в 2–3 раза больше смолы, чем при «ямном», но по химическому составу она была беднее. При установке соответствующего оборудования (в более позднее время) в печи одновременно получали сопутствующие, но очень дорогие продукты: древесный спирт, уксусную кислоту и т. д. Однако на установку печи, покупку оборудования, подвозку дров и смольника необходимы были денежные средства, которые были не у всех крестьян. Поэтому в удельной деревне Поважья преобладал «ямный» способ. В 1854–1858 гг. в Устьпаденском приказе Шенкурского уезда имелось 258 «ям» и 106 печей, Благовещенском приказе – 196 «ям» и 87 печей и Великониколаевском приказе 372 «ямы» и 8 печей. В целом по Вельскому удельному имению в 1859 г. смолу гнали в 943 печах и 1405 «ямах», в 1860 г. – в 943 печах и 1785 «ямах»¹⁴.

Доходы смолокуров зависели от цен, количества добываемой смолы и производительности труда. Цены за бочку смолы в 1802–1851 гг. колебались в Архангельске от 1,02 до 2,92 руб. сер. Как правило, вслед за годом, когда цены повышались, увеличивалось производство смолы, что приводило к перенасыщению рынка. Следовало падение стоимости смолы, за ним – снижение ее добычи. Это, в свою очередь, вызывало недостаток смолы, рост цен и увеличение производства. Так, с 1816 по 1821 гг. стоимость бочки смолы в Архангельске снижается с 2,56 до 1,49 руб. сер. и ее производство в 1817–1821 гг. упало на Севере с 80 до 58,5 тыс. бочек. К 1823 г. цены повышаются до 2,03 руб. сер. за бочку и ее добыча в 1824 г. составила 94,5 тыс. бочек.

Таблица 2

**Возможный среднегодовой доход смолокуров Поволжья
с 1 бочке смолы в 1802–1851 гг.**

Показатели	Номинал (руб.)*	1802– 1810 гг.	1811– 1820 гг.	1821– 1830 гг.	1831– 1840 гг.	1841– 1851 гг.
Цена 1 бочки в Архангельске	Acc. Сер.	2,78 1,13	7,87 1,91	5,92 1,57	6,66 1,83	— 2,42
Расходы в расчете на 1 бочку (налоги, пошлины и др. затраты)	Acc. Сер.	0 0	1,80 0,44	2,10 0,56	2,41 0,66	— 1,05
Возможный доход с 1 бочки	Acc. Сер.	2,78 1,13	6,07 1,47	3,82 1,01	4,25 1,17	— 1,37

* Ассигнации переведены на серебряный номинал по средневзвешенному за соответствующие десятилетия курсу. Последний, в рамках периодов, имел существенные колебания.

Источники: Богуслав О. А. Заметки о лесной промышленности и о главных лесных рынках в Беломорье // Журн. МВД. 1853. № 5. С. 208, 221; Воронов П. С. Смоляное и скипидарное производство в Вельском уезде // Тр. ВЭО. 1856. Т. 3. С. 89–90; ГААО. Ф. 4. (Архангельское губернское правление). Оп. 7. Д. 2361. Л. 48; РГИА. Ф. 379. (Департамент государственных имуществ МВД). Оп. 4. Д. 1559. Л. 1–4 об.; Ф. 515. Оп. 34. Д. 80. Л. 174 об.–176.

Изменение среднегодовых цен на смолу отражено в материалах таблицы 2. Из приведенных материалов следует, что цены на смолу в течение времени имели тенденцию к увеличению. Однако это не означало, что в такой же мере росли и доходы крестьян от каждой бочки смолы. Ведь цена включала в себя и различные расходы смолокуров.

До начала XIX в. производство смолы и доставка ее к Архангельскому порту не облагались никакими денежными сборами. По указам 1800 и 1804 гг. при отпуске смолы за границу на купцов накладывали пошлину по существовавшим тогда тарифам¹⁵. Эти указы почти не имели значения для непосредственных производителей смолы. Их интересы были существенно затронуты после выхода указа от 12 ноября 1810 г. Отныне в лесной налог взималось по 1,20 рублей ассигнаций (далее – руб. acc.) за бочку смолы и по 0,30 руб. acc. – за порожнюю бочку (в 1820 г. эта плата увеличена до 0,60 руб.). Кроме

того, крестьяне несли расходы при взятии билета (разрешения) на смолокурение, на доставку смолы, за ведила (специальные плоты для сплава смолы, на которых умещалось около 100 бочек) и т. д. в размере 0,30 руб. асс. В целом сдача купцам в Архангельске каждой бочки смолы обходилась крестьянам в 1811–1820 гг. примерно в 1,80 руб. асс. или в 0,36–0,47 руб. сер., в 1821–1838 гг. – 2,10 руб. асс. или 0,54–0,58 руб. сер. В 1838 г. последовало новое увеличение платежей, и расходы на каждую бочку стали составлять 1,05 руб. сер., т. е. увеличились почти в 2 раза. Таким образом, реально удельные крестьяне Поважья могли иметь примерный доход с каждой бочки (в серебряном исчислении в среднем за период) в 1802–1810 гг. – 1,13 руб., в 1811–1820 гг. – 1,47 руб., в 1821–1830 гг. – около 1 руб., в 1831–1840 гг. – 1,17 руб. и в 1841–1851 гг. – 1,37 руб. (см. таблицу 2). Но и эти деньги крестьяне могли получить только в том случае, если сами занимались доставкой смолы в Архангельск, что было связано с рядом трудностей. Ведь для сплава и сбыта смолы следовало брать торговые свидетельства, которые были выгодны только при наличии большой партии товара. Необходима была кооперация усилий крестьян, что в условиях господствовавших феодальных отношений и безденежья крестьян было значительно затруднено. Кроме того, в начале XIX в., после введения «вольной торговли», появляются скупщики смолы (богатые крестьяне или купцы), которые приобретали товар по сниженным ценам. Нередко, пользуясь нуждой удельных крестьян, скупщики давали деньги в долг под проценты (совмещали скупку с ростовщичеством), понижая еще больше доходы крестьян от смолокурения.

В конце 60-х годов XIX в. из Благовещенской волости только один смолокур сплавлял свою продукцию в Архангельск, из Великоникольевской – пять, вся остальная смола приобреталась 15 скупщиками. Они диктовали цены не только на местах, но и в Архангельске, не давая возможности крестьянам повысить стоимость смолы¹⁶. В результате, в середине 30-х годов XIX в. в Благовещенском приказе Шенкурского уезда у крестьян бочка смолы покупалась по 0,69–0,99 руб. сер. с доставкой в Архангельск, где ее цена была 1,57–1,86 руб. сер. В 1840 г. крестьяне Поважья продавали смолу на тех же условиях по цене 1,07–1,17 руб. сер. за бочку, а в Архангельске она стоили около 2,44 руб.¹⁷ В 1857 г. в Поважье за бочку смолы скупщики давали 1,25 руб., в 1858 г. – 0,90 руб., в 1859 г. – 1,05 руб., в 1860 г. – 1,23 руб., в 1861 г. – 0,79 руб. (везде – серебром) и выручали в Архангельске по 100 и более процентов¹⁸. Как мы видим, цены на

смолу были невысокими, особенно если сравнить их с затратами труда смолокурев.

В 1813 г. чиновники министерства финансов провели в Шенкурском уезде специальные исследования по смолокуренному производству. Они показали, что из двух кубических сажень подсоченных деревьев получается около 8 бочек смолы, из такого же количества пней – 6 бочек (при «ямном» способе производства). При этом в первом случае затрачивается 128 рабочих дней, во втором – 142 дня¹⁹. Иными словами, на производство одной бочки смолы необходимо было в первом случае 16 дней, во втором – 24 дня. Сопоставляя полученные данные с ценами на смолу, видим, что смолокур выручал в день 5–10 коп. сер., в некоторые годы – до 15 коп. При печном производстве доходы возрастили до 20 коп.²⁰ Не случайно в отчете по Вельскому удельному имению за 1859 г. отмечается, что «заработка ничтожный по сравнению с теми ужасными трудами, которые несет смолокур, ...а существовать без смолокурения нет средств»²¹.

Таким образом, удельные крестьяне Поважья сбывали смолу ниже себестоимости. Подобные факты обнаружены и освещены в исследованиях и по другим видам мелкотоварного производства²².

В 20-30-х годах XIX в. удельные чиновники, обеспокоенные затруднениями крестьян Поважья в уплате налогов, предлагали Департаменту уделов организовать сбыт смолы через удельные конторы и разрешить кредит крестьянам из заемного капитала, учрежденного в 1807 г. Они просили также центральные органы власти о снижении пошлин и прочих платежей за добычу смолы²³. Но вскоре началась передача лесов в ведение удела, которому снижение пошлин уже было невыгодно. Правда, удел в 1836 г. создал в каждом приказе удельных контор сельские банки (вместе с тем это были и вкладочные кассы). Однако денежными средствами из них, как и из заемного капитала до 1836 г., пользовались наиболее богатые удельные крестьяне, те, кто мог дать гарантию, с согласия «мира», в уплате ссуды. Так называемые сельские банки способствовали некоторому увеличению производства смолы печным способом, но не внесли коренного улучшения в смолокурение²⁴. Тем более, что сначала казна (с 1836 г.), а затем удел начали запрещать подсочку деревьев и тем самым пытались защитить растущий лес, разрешая заготовку смолья только из пней. Как было показано, в этом случае увеличивались затраты на производство одной бочки смолы с 16 до 24 дней. Понимая, что такая мера приведет к массовым самовольным подсочкам, казна и удел разрешают в конечном итоге подсочку деревьев, но в строго указан-

ных местах. Однако эти ограничения крестьянами нередко нарушились²⁵. В самовольных подсочках деревьев и заготовках смолы выражался протест крестьян, это было формой их повседневной борьбы против существующих порядков.

Доходы смолокуров, вероятно, можно было поднять, если бы казна организовала закупку смолы на Севере для внутренних нужд государства. Из Архангельска смолу вывозили в другие страны, а из Финляндии – ввозили в Россию, главным образом в Петербург. Качество северной смолы было лучше, т. к. она содержала больше ценных компонентов, чем финская, полученная в печах. К тому же в Петербурге русское правительство, например, в 1834–1851 гг. платило за финскую смолу в 2,8–3,5 раза больше, чем английские и голландские купцы в Архангельске за русский товар²⁶.

По своему значению смолокурение приближалось в Поволжье к земледелию и давало в 50-х годах XIX в. в Шенкурском уезде 40–45% всех доходов удельных крестьян от промыслов, в целом по Важскому краю в 1857 г. – 34%, в 1859 г. – 38%, в 1860 г. – 33%²⁷. Добыча смолы производилась практически только на внешний рынок и носила характер мелкотоварного производства.

¹ См.: Котов П. П. Удельные крестьяне Севера, 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 42–52; Он же. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. // Проблемы истории России XVIII–XX вв. Сыктывкар, 1997. С. 25–45.

² Богуслав О. А. Заметки о лесной промышленности и о главных лесных рынках в Беломорье // Журн. МВД. 1853. № 5. С. 209–227; Воронов П. С. Смоляное и скрипидарное производство в Вельском уезде // Тр. ВЭО. 1856. Т. 3. С. 79–98; Малахов А. Е. Формы сбыта продуктов кустарного смолокурения в Архангельской и Вологодской губерниях // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности. СПб., 1910. Т. 2, ч. 1. С. 275–298; Петровский А. В. О подсочеке сосны и о положении этого промысла в Важском районе // Там же. С. 247–274; Молчанов К. Описание Архангельской губернии... СПб., 1813 и др.

³ См., например: История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 312.

⁴ Молчанов К. Указ. соч. С. 185–186.

⁵ Воронов П. С. Указ. соч. С. 79; Малахов А. Е. Указ. соч. С. 275.

⁶ Богуслав О. А. Указ. соч. С. 209; Малахов А. Е. Указ. соч. С. 276; Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России // Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 276–300.

⁷ Козинцева Р. И. Указ. соч. С. 298.

⁸ Обозрение хода торговли по Архангельскому таможенному округу за 1849 год // АГВ. 1850. № 3. Ч. неофиц. С. 17–19; Богуслав О. А. Указ. соч. С. 195,

⁹ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 2362. Л. 113 об.–114; РГИА. Ф. 515. Оп. 34. Д. 80. Л. 186.

¹⁰РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 72. Л. 173–174; Д. 73. Л. 261 об.; Оп. 15. Д. 180. Л. 2; Д. 2267. Л. 68–69. См. также работы О. А. Богуслава, П. С. Воронова, А. Е. Малахова и А. В. Петровского.

¹¹РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10–74; Оп. 15. Д. 2267. Л. 68–69; Оп. 34. Д. 80. Л. 164–168; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 2362. Л. 67 об.

¹²РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 807. Л. 1–127; ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 429. Л. 65 об; Оп. 3. Д. 1. Л. 49 об.

¹³Приготовление крепкой смолы в Швеции // ВГВ. 1939. № 18. Прибавления. С. 147–148; Воронов П. С. Указ. соч. С. 81–90; Богуслав О. А. Указ. соч. С. 210–211; Петровский В. А. Указ. соч. С. 247–256.

¹⁴РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 72. Л. 173–174; Оп. 15. Д. 2267. Л. 68–69; ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 429. Л. 3–24.

¹⁵Там же. Оп. 34. Д. 80. Л. 174 об.

¹⁶Там же. Оп. 10. Д. 764; Оп. 15. Д. 180, 643; Оп. 34. Д. 80.

¹⁷Там же. Оп. 15. Д. 180. Л. 1–2; Д. 643. Л. 24 об.

¹⁸Там же. Оп. 1. Д. 73. Л. 261 об.; Оп. 15. Д. 1742. Л. 41 об.; Д. 1749. Л. 63 об.; Д. 2267. Л. 68–69; Д. 2287. Л. 653 об.

¹⁹Там же. Оп. 34. Д. 80. Л. 190–191.

²⁰Арсеньев Ф. Материалы по исследованию кустарных промыслов Вологодской губернии // ВГВ. 1886. № 34. Ч. неофиц. С. 6–7.

²¹РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 2267. Л. 69.

²²См., например: История северного крестьянства. Архангельск, 1986. Т. 2. С. 81–82.

²³РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 1559; Ф. 515. Оп. 10. Д. 764; Оп. 15. Д. 180, 391, 643; Оп. 34. Д. 80.

²⁴Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50–74; Оп. 15. Д. 2267. Л. 182.

²⁵Там же. Оп. 1. Д. 50–74; ГААО. Ф. 925. Оп. 1. Д. 10.

²⁶Богуслав О. А. Указ. соч. С. 223–224.

²⁷РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 52–74; Оп. 15. Д. 1742, 2267.

Г. А. ВЕРЕВКИНА
(Вельск)

ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН БЕСТУЖЕВСКОЙ ВОЛОСТИ ВЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВЕСНОЙ 1919 Г.

Взаимоотношения власти и народа в первые годы после Октябрьской революции наиболее ярко проявились на местном уровне, поскольку именно местные советы были основными проводниками политики Советского государства. Неприятие многих декретов СНК значительной частью населения страны нашло отражение, в частности, в ходе кампании вскрытия святых мощей, развернувшейся весной 1919 года и имевшей целью дискредитировать церковь в глазах народа. Кампания не обошла стороной и Вельский уезд Вологодской